

А. Э. КАРИМОВ

**ГОСУДАРСТВО, ФЛОТ И ЛЕСА:
ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕТРОВСКОГО ЛЕСНОГО КАДАСТРА***

Петровская эпоха очень противоречива. С одной стороны, в это время происходит разрушение модели средневекового представительного устройства, своеобразной «феодальной демократии» в России, взамен которой создается авторитарно-бюрократическая империя, сохранившая свои черты на последующие столетия. С другой — страна открывается иностранным влияниям, преодолевая традицию закрытости и интроспекции. Реформируется не только система государственного управления, экономика, армия, технология. Формируется интродуцированная с Запада наука Нового времени и соответствующая ей среда с присущими ей формами социальной жизни, самоорганизацией (см. [1]). Становление науки и внедрение западных форм учености, государственного управления, экономики, технологии, включение России в западноевропейское сообщество требовали развития начал автономии знания, самоуправления, свободы и соответствующей интеллектуальной среды, в которой только и может развиваться чистая наука, оказывающаяся столь важной для подготовки практических специалистов — государственных деятелей, военачальников, политиков, архитекторов, навигаторов, геодезистов, административной и хозяйственной элиты, от наличия которой зависела успешность петровских реформ**.

Противоречивость петровской эпохи заключена и в том, что исходно внедрение западных научных достижений и государственных и хозяйственных форм было обусловлено чисто практическими, утилитарными потребностями: созданием современной армии, реформой государственного аппарата, требованиями архитектуры, кораблестроения и т.п. В этом отношении история лесного кадастра в России еще раз показывает, что петровские государственные учреждения и хозяйственные формы брали за основу государственные и хозяйственные институты предыдущего периода. Развиваясь под воздействием практических требований момента, они все более приближались к своим западным аналогам, при этом сохраняя содержательно преемственность со своими русскими прототипами. В середине XVIII в. произошла уже полная трансформация их формы. Эти практические учреждения начинают играть определенную роль для фундаментальной науки, поставляя, к примеру, географические данные для академической географии, готовя специалистов и создавая систему подготовки кадров, одним своим присутствием стимулируя развитие «чистой науки».

Петровская картография и, в частности, система лесного кадастра, демонстрирует рост влияния централизованного государства. Это служит иллюстрацией к

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 98-03-04093).

Автор благодарит Британскую академию, профессора Роджера Кейна и доктора Ричарда Оливера (географический факультет университета г. Эксетер), профессора Линдсей Хьюс, декана исторического факультета Школы славянских и восточноевропейских исследований университета Лондона, оргкомитет Международной конференции «Петр Великий и Запад: новые перспективы» (Гринвич, 1998), Отдел рукописей БАН, РГИА, РГА ВМФ. Автор благодарит зам. директора ИИЕТ РАН д.т.н. А. В. Постникова, д.г.н. В. К. Рахилина, к.г.н. О. А. Александровскую за ряд ценных критических замечаний; благодарит к.г.н. И. А. Мерзлякову, первого читателя и критика этой работы.

** Общая картина петровских реформ, в том числе в интеллектуальной жизни общества, дана в недавно изданной книге Л. Хьюс [2].

истории строительства могучей авторитарной бюрократической империи. Параллель с историей управления лесами в Англии, разительно отличающейся по характеру государственности, с сильными традициями местного всеобщего самоуправления, дополняет этот сюжет. С другой стороны, история лесных съемок выявляет противоположную тенденцию: преемственность и влияние средневековых государственных и хозяйственных институтов на учреждения петровской эпохи показывают основу, на которую были привиты западная наука, экономика и государственные институты, демонстрируют развитие географии от различных видов административно-хозяйственной географической практики до академической дисциплины.

Регулярный лесной кадастр зарождается в России в ходе петровских реформ. Мы рассматриваем первую половину XVIII в. как этап становления лесного кадастра, создания его научной, организационной и законодательной базы, этап формирования основных принципов управления лесами.

Описания лесов допетровского времени сохранились в писцовых книгах XVI–XVII вв. Предметом внимания писцовых книг были используемые земли — основа дохода государства и вассальной службы. Пашни, сенокосы, перелог, запустевшие имения, пригодные для раздачи, измерялись и описывались. Обширные неиспользуемые лесные угодья, болота лишь бегло упоминаются в этих документах. Допетровские описания лесов представляли собой весьма общие материалы, указывавшие лишь приблизительное расположение лесных массивов (в отличие от точно измерившихся пахотных и сенокосных угодий).

Кадастры того периода — это налоговые описания земель, оценка заселенных и эксплуатируемых угодий. Они имели дело с пашней, сенокосом, переложными угодьями, иногда — с рыбными ловлями, бортными угодьями, охотничьими угодьями царей. Девственная природа — леса, болота, пустоши — сами по себе не привлекали внимания. С одной стороны, это было связано с избытком земельных ресурсов и малонаселенностью, с другой — отражало уровень географических знаний и потребностей того времени: хотя основные водные пути и сухопутные тракты были описаны и хорошо известны, русские — современники Ивана Грозного или Бориса Годунова — чувствовали себя в своих необъятных лесах так же неуверенно, как и иностранные послы и купцы, проезжавшие эти леса по пути в столицу москвитов. Документы того времени показывают, что заблудиться, путешествуя по лесам, было, похоже, обычным делом для местных именитых бояр, это даже служило иногда маскировкой для неудавшегося побега за границу [3].

Петровские реформы знаменовали закат налоговых кадастров. Государственное строительство Петра, его политические и экономические проекты: создание флота, армии, реформа управления, развитие горного дела и промышленности, изучение естественных водных путей и проекты искусственных, колонизация — все это повлекло за собой возрастающую централизацию власти. Старая система организации государственной и военной службы не соответствовала возросшим требованиям к квалификации, организационной сложности и оперативности реагирования. Вассальная система не могла обеспечить гражданских и военных кадров, рекрутов и т.п. в достаточном количестве ввиду увеличивающегося дефицита земель, которыми правительство «расплачивалось» за службу раньше, а политически слабые вассальные сословия попросту не могли ничего противопоставить преобразующей энергии царя-реформатора.

Под давлением неотложных реформ существенно расширилось государственное хозяйство. Практически все хозяйственные проекты (включая военные) того времени опирались на масштабные ресурсы и предприятия, государственные или квазигосударственные, как необъятное баронство Строгановых в Западной Сиби-

ри и — несколькими десятилетиями позже — металлургические заводы Демидовых на Урале, которым были приданы леса, месторождения и крепостные крестьяне. Возрастает необходимость в природных ресурсах: лесах для кораблестроения и металлургии, ископаемых; в людских ресурсах. Как отмечает Д. Шоу [4], петровская концепция модернизации страны не предусматривала заботу о благополучии населения. Права сословий сокращаются, практически исчезает договорное начало, регулирующее отношения вассалов и верховной власти, столь развитое в предыдущий период. Усиление крепостного права в петровскую эпоху, укрепление сельской общины часто связываются с усилением авторитарных тенденций [5, с. 198].

Петровские реформы, особенно вначале, были следствием неотложных потребностей управления страной в условиях войны. Первые опыты петровского кадастра относятся к 1698–1701 гг. — периоду строительства военного флота на воронежских верфях. В это время по поручению царя проводятся обследования лесных массивов под Воронежем в поисках корабельных лесов. Эти материалы*, отложившиеся в фондах «Царского шатра» архива Военно-морского флота (ВМФ) в Петербурге, представляют собой описания, близкие по технике к писцовым описаниям земельных угодий, с тем различием, что вместо пашни и сенокоса столь же точно и подробно описываются лесные угодья.

Прослеживается четкая и определенная преемственность со средневековой традицией учета ресурсов. Молодая администрация Петра использовала опыт ведения писцовых книг, традицию писцовых обследований сельскохозяйственных земель, практиковавшуюся в Поместном приказе, для решения новой задачи — изучения и инвентаризации корабельных лесов. Офицеры и чиновники Петра в это время — полная аналогия писцов и подьячих Поместного приказа. В одном случае лица, посланные в Воронежский уезд для описания ясеневых лесов, называются в указе «подьячими» [6]. Точно так же как писцы получали инструкции от царя («Писцовый наказ»), так и подьячие получали указания царя и наделялись широкими полномочиями. Структура самих описаний до крайности похожа на описания писцовых книг, только опись организована не по владельцам, а по сплавленным рекам. Терминология, единицы измерения и профессиональная лексика практически аналогичны принятым в писцовых книгах: «лес пашенный, вдоль верста, поперег же полверсты».

Первые обследования лесов — это отдельные, фрагментарные исследования, предназначенные для решения конкретных практических задач: снабжения верфей древесиной по мере надобности. Осмотру подвергались отдельные лесные массивы, наиболее пригодные для заготовки леса для воронежских верфей. В это время еще не встает вопрос о систематических обследованиях лесных угодий и о ведении регулярного лесного кадастра.

Материалы 1720-х гг., относящиеся к периоду создания Балтийского флота, описывают корабельные леса более полно и подробно. Эти документы, также отложившиеся в архиве ВМФ, свидетельствуют о первых попытках создания регулярного лесного кадастра. Создание и содержание регулярного флота требовали учета и систематических переписей лесных ресурсов. В это время предпринимается ряд однотипных обследований лесных массивов по рекам Новгородской губернии, в окрестностях Петербурга, на островах в дельте Невы [8]. Эти обследования носят планомерный характер и проводятся по единой программе. В 20-е гг. была предпринята, очевидно, и первая попытка исследования лесов Европейской России. В документах Адмиралтейства содержится, в частности, переписка о копировании и рассылке в уездные воеводские канцелярии «описных вальдмейстерских

* Мы обнаружили, видимо, первый из документов петровского кадастра [7, л. 88].

книг 1722 и 1723 гг.» — описаний заповедных корабельных лесов [9]. Можно предполагать, что достаточно большая часть лесов Европейской России была так или иначе описана в это время. Очевидно, в архивах могут быть обнаружены неизвестные материалы описаний корабельных лесов — вальдмейстерские книги.

Надо обратить особое внимание на то, что адмиралтейские съемки лесов были одними из наиболее ранних регулярных географических предприятий в России. Морские геодезисты инициировали географические и картографические исследования страны. Указ Сената «О посылке учеников Санкт-Петербургской (морской) академии для сочинения ландкарт» [10], положивший начало планомерным съемочно-картографическим работам в стране, свидетельствует, что Адмиралтейство считалось бесспорным обладателем «*know how*» топографических съемок и статистических описаний страны. Профессор Морской академии Фарварсон (*Farquharson*) готовил официальные инструкции петровским геодезистам, составлявшим топографические карты различных частей России под общим руководством секретаря Сената Кирилова [11, с. 30], в рамках общей программы картографирования России. Можно заключить, что лесные съемки сыграли ключевую роль для развития географической практики в России XVIII в.

Второе десятилетие XVIII в. — это время разработки общей программы географического и картографического изучения России для повышения эффективности управления страной и усиления контроля над регионами. Описания корабельных лесов этого времени совпадают с выходом Генерального регламента 1720 г., в котором в главе «О Ландкартах и чертежах государевых» формулируется основная цель картографического изучения Империи:

...и дабы каждый коллегиум о состоянии государства и о принадлежащих к оному провинциях подлинную ведомость и известие получить мог, того ради надлежит в каждой Коллегии иметь генеральные и партикулярные ландкарты (или чертежи) ... имянно описать все границы, реки, города, местечки, церкви, деревни, леса и протчая [12, с. 20–21].

Описания лесов входили составной частью в эту общую программу повышения эффективности управления и контроля правительства над территорией (на рис. 1 приведен пример ландкарт — общетопографических карт, — составлявшихся в рамках этой программы). Лесные съемки начинаются 14 марта 1720 г., через четырнадцать дней после выхода Генерального регламента [12, с. 21]. Они были первоочередной и, очевидно, в это время наиболее важной для правительства попыткой реализации этой программы. Нет необходимости перечислять последующие известные и многочисленные предприятия по географическому изучению России, проходившие в ее рамках.

В 20-е гг. XVIII в. заканчивается установление особого порядка пользования лесами (определенного еще Указом 1703 г.), который фактически означает введение государственной собственности на леса, подчинение лесопользования интересам Адмиралтейства и крупных государственных проектов, национализацию лесов. Адмиралтейство становится верховным распорядителем ресурсами высококачественного леса. Об этом свидетельствуют изученные нами материалы дел о позволении рубить лес (независимо от его принадлежности) для строительства Московского шоссе [13, л. 52 об.], переписки Адмиралтейства с Синодом о подчинении монастырских крестьян офицерам флота, посланным для обследования лесов [14, л. 27]. Вводится ряд ограничений и запретов, в частности рубить леса, годные для корабельного строения, на расстоянии 20 верст от малых рек и 50 — от больших. Это коснулось не только государственных, но и монастырских, частных и об-

щинных лесов: владельцам было запрещено вырубать свой лес без санкции лесных чиновников Адмиралтейства, которые должны были удостоверить его непригодность для флота. Историк Министерства государственных имуществ Л. Захаров (1911) определенно указывает, что частные владельцы получили право свободно распоряжаться принадлежащими им лесами только указом Екатерины II в 1782 г. [15].

К началу 1730-х гг. лесной кадастр и государственное управление лесами приобретают сложившуюся форму. Начинается планомерное изучение лесных ресурсов Европейской России согласно общей правительственной программе, определившейся в предыдущее десятилетие. Предпринимаются первые работы по картографированию корабельных лесов. В это время лесной кадастр рассматривался правительством не просто как вспомогательное средство для организации снабжения военного флота, а как важный институт «на службе государства» [16]. Нами обследованы рукописные описания корабельных лесов 1730–1740-х гг. из архива ВМФ и обнаружено их соответствие в ряде случаев картам корабельных лесов из фондов Отдела рукописей Библиотеки Академии наук. Как следует из текстов описаний и подписей к картам корабельных лесов, авторами съемок, наряду с офицерами Адмиралтейства, были геодезисты, чья деятельность тесно связана с Академией наук и ее Географическим департаментом*. Хотя материалы лесных съемок не отражены непосредственно в общегеографических атласах того времени, они отложились в фондах ОР БАН, там же, где и ряд общегеографических съемок петровских геодезистов, использовавшихся при работе над атласами. Можно говорить об участии Академии наук в разработке программы картографического изучения корабельных лесов и об использовании материалов лесного кадастра в общегеографических целях Сенатом и Географическим департаментом. В ряде случаев карты (и соответствующие описания) корабельных лесов составлены для территорий, на которые за несколько лет до этого петровскими геодезистами были составлены общетопографические карты. Это показывает близость интересов сенатских геодезистов и Адмиралтейства, наличие координации и единой программы картографического изучения России.

К 1732 г. относятся первые общегосударственные инструкции об охране лесов, разработанные Адмиралтейством. Фактически эта деятельность далеко выходит за рамки ведомственного кадастра. В том же году Адмиралтейством при участии Морской академии был подготовлен общегосударственный Устав о лесах.

Заслуживает внимания тот факт, что материалы лесных съемок удивительно подробны и точны. Вызывает изумление относительное обилие карт и статистических материалов в различных архивах. Принимая во внимание, что крупномасштабное картографирование в России только входило в практику, можно представить, насколько важными казались съемки лесов. Легко вообразить и размах планов Адмиралтейства и самого «мореплавателя и плотника» — Петра. Разведанные запасы корабельных лесов во много раз превосходили объем реальных рубок и известные сейчас действительные масштабы строительства военных судов.

Не останавливаясь на детально изученных приемах лесных съемок, заметим, что их технические основы были заимствованы из западноевропейской картографии. Цели петровского кадастра — создание военного флота — аналогичны целям французского лесного кадастра Кольбера. Оба эти кадастра сходным образом регламентируют управление государственными лесами [16, с. 210–212]. Однако если французский лесной кадастр ведал только именами короны, то в России все европей-

* Например, «Об отправке геодезиста Зубова для описания кедрового леса и составления карты Яренского уезда Вологодской губернии» [17]

ские леса почти на столетие отошли государству после проведения описанной национализации, которая не находит аналогов ни в одной из западноевропейских стран.

К 1750–1760 гг. в лесной кадастр прочно входит картографическая составляющая. В 1740-е гг. предпринимается еще ряд обследований, продолжают совершенствоваться государственные правила об охране лесов. К концу этого периода относится разделение охраняемых лесов на три категории: корабельные леса (рис. 2), леса, приписанные к горным заводам (рис. 3), находящиеся в ведении Берг-коллегии, и леса засечных черт (рис. 4) (с продвижением границы на юг эта категория лесов вскоре утрачивает свое значение). Вводятся правила эксплуатации лесов, на ряде изученных нами карт показаны элементы лесооборота (рис. 3). Однако подавляющее большинство лесов остаются в ведении флота, который продолжает их картографическое и статистическое изучение.

К 1780-м гг. массивы строевых лесов были описаны и картированы офицерами Адмиралтейства. Каждый дуб, липа или ель были «сочтены и измерены». В это время были изготовлены сотни крупномасштабных карт и планов, сопровождавшихся табличными ведомостями, по которым в дальнейшем были составлены сводные ведомости и атласы. Такие исследования проходили даже в тех районах, где никогда впоследствии не проводились большие коммерческие рубки. К концу XVIII в. при передаче управления лесами в ведение Министерства финансов в Лесном департаменте числится 4549 адмиралтейских лесных карт губерний и уездов и атласы восьми губерний: Петербургской, Херсонской, Таврической, Новгородской, Ярославской, Казанской, Вологодской и Олонецкой [18, л. 45–45об.]. В это время был создан наиболее известный из лесных атласов — обзорный «Генеральный атлас... всякого рода лесам» из Эрмитажного собрания Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. В этом атласе показана Линдуловская лесная роща — первая из весьма немногочисленных плантаций корабельных лесов, заложённая под Петербургом в 1734 г.

К концу рассматриваемого периода лесной кадастр прочно закрепляется в государственной практике, складываются та форма лесного кадастра и тот порядок управления лесами, которые с незначительными изменениями просуществовали до второй половины XIX в. и даже до нашего времени. Передача управления лесами из Адмиралтейства в Министерство финансов и позднее в Министерство государственных имуществ практически не повлияла на содержание лесного кадастра. Инициированный, как и большинство видов географической практики петровской эпохи, конкретными практическими потребностями государственного и военного строительства, лесной кадастр постепенно приобретает роль самостоятельного государственного учреждения.

Петровский лесной кадастр служит иллюстрацией изменения характера государства и формирования авторитарной бюрократической империи. Это особенно проявляется при сравнении с английским опытом управления лесами.

Отметим прежде всего, что английская традиция кадастров отводит ведущую роль в управлении природными ресурсами местной инициативе. Это особенно касается земельного кадастра и оценки земель. Организация землеустройства, оценка земель и раскладка земельного налога являлись прерогативой общины, а не государственных чиновников. Весь массив кадастровых карт, составленных в ходе парламентских огораживаний* и реформы церковной десяти-

* Реформа землеустройства в Англии, сопровождавшая переход от чересполосного землепользования к интенсивному сельскому хозяйству; это концентрация чересполосных владений в одном месте.

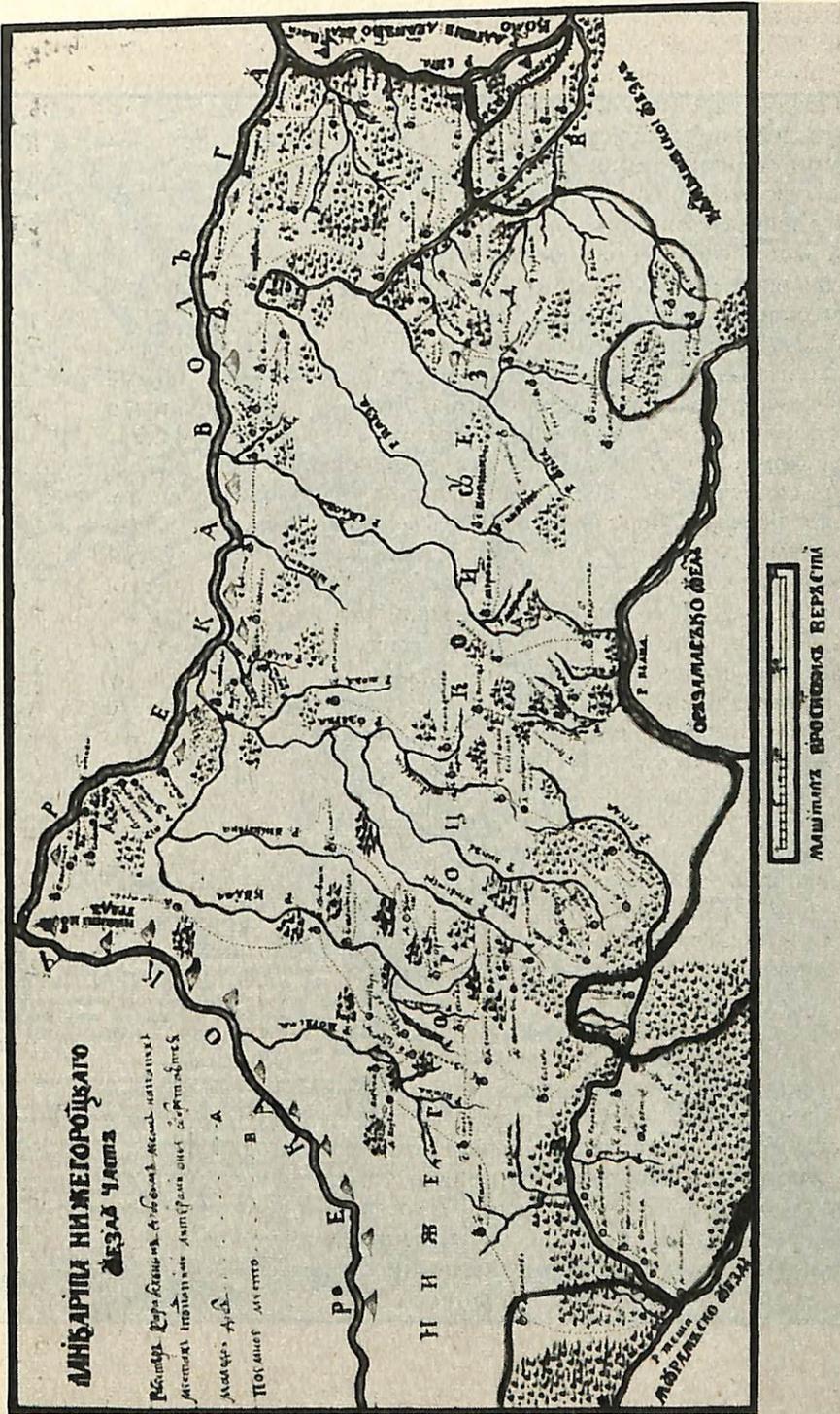

Рис. 2. «Ландкарта Нижегородского уезда часть. Реестр корабельным дубовым лесам». Около 1736 г. (ОР БАН. Ф. 35. Ед. хр. 496)

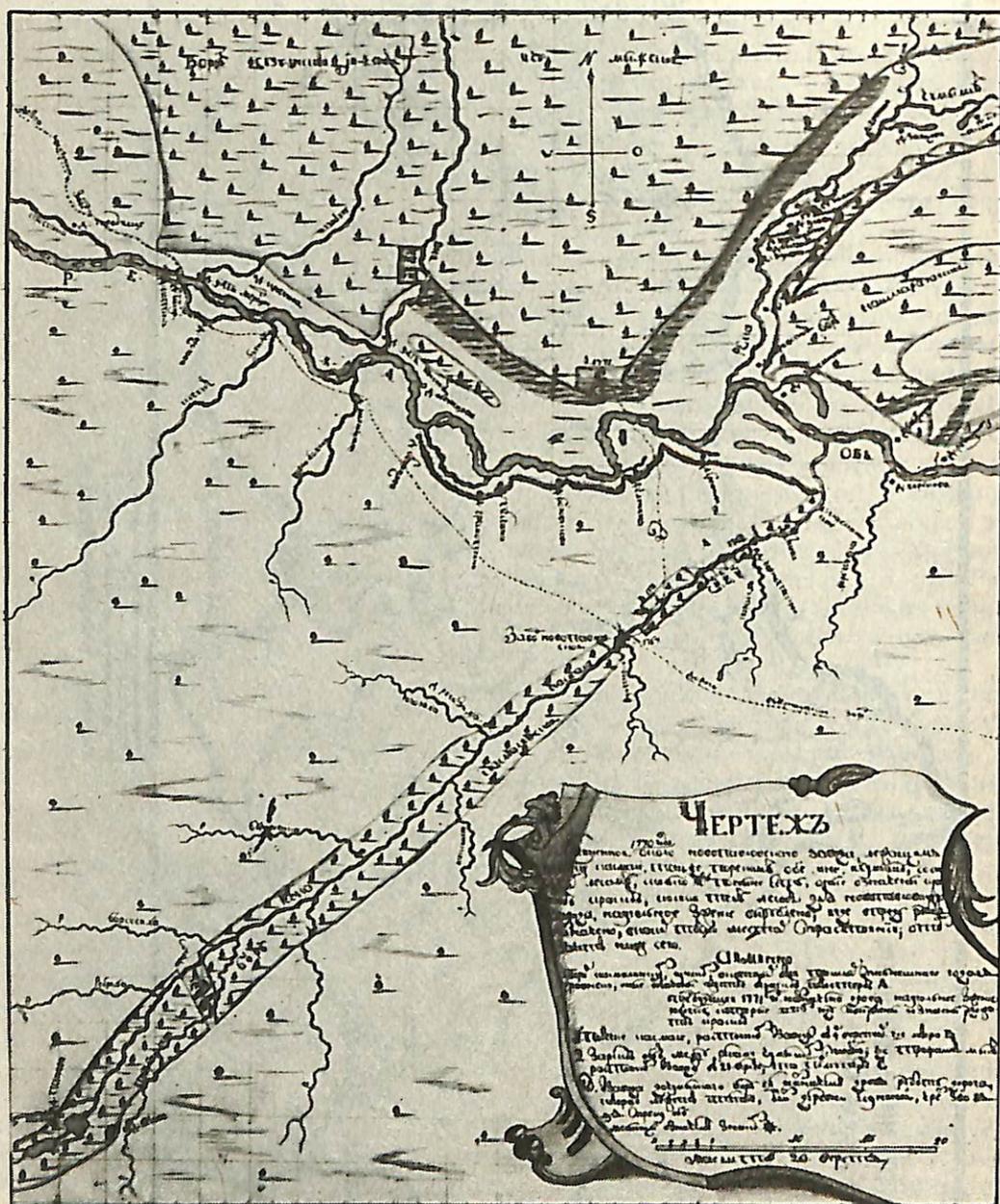

Рис. 3. «Чертеж, сочиненный 1770 г. около Новопавловского завода лежащим по р. Камале, также по р. Обе, Ине и Чумьшу сосновым лесам» (ОР БАН. Ф. 35. Ед. хр. 665)

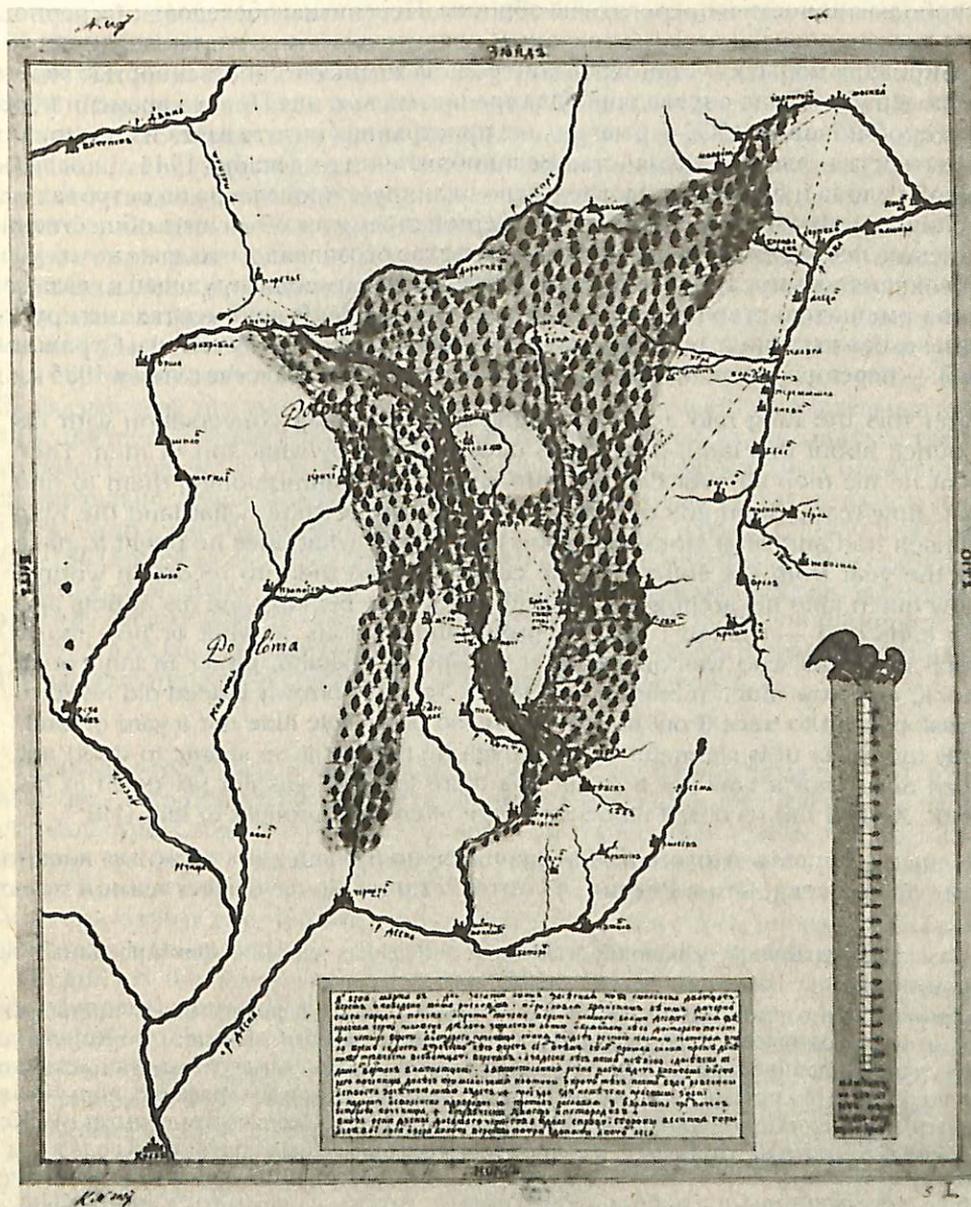

Рис. 4. Ландкарта «засечной черты», устроенной в 1706 г. от г. Смоленска до г. Чернигова. Первая половина XVIII в. (ОР БАН. Ф. 35. Ед. хр. 658)

ны*, — это карты отдельных владений и приходов. История английского земельного кадастра не знает централизованных съемок, подобных, к примеру, съемкам Генерального межевания.

К эпизодическому вмешательству государства в управление землями общественное мнение относилось с нескрываемым подозрением, видя в этом покушение на свободы личности и прерогативы общины. Переписи и обследования, периодически предпринимавшиеся центральным правительством, в глазах англичан символизировали попытку установить контроль за жизнью и собственностью свободных людей. Это было справедливо для средневековья, для Нового времени и даже для второй половины XX в. Следующая пространная цитата взята из материалов Министерства сельского хозяйства Великобритании от декабря 1942 г., когда под угрозой голода и блокады правительство планирует проведение на островах метрополии национального обследования ферм и стремится объяснить общественному мнению необходимость этого. Правительство осознавало, что даже в этих условиях сохранялось предубеждение перед переписью, символизирующей в глазах общества вмешательство государства в дела фермеров. В документах цитируется средневековая хроника, рассказывающая об истории создания «Книги Страшного Суда» — переписи Англии, предпринятой Вильгельмом Завоевателем в 1085 г.

After this the King had a large meeting and very deep conversation with his Council about this land, how it was occupied and by what sort of men. Then sent he his men all over England into each shire commissioning them to find out, how many hundreds of hides were there in the shire, what land the King himself had and what stock was upon the land, or what dues he ought to have by the year from the shire. Also he commissioned them to record in writing: How much land his archbishops had and diocesan bishops and his abbots and his earls and — though I may be prolix and tedious — what or how much each man had who was an occupier of land in England, either in land or in stock, and how much money it was worth. So very narrowly indeed did he commission them to trace it out that there was no one single hide nor a yard of land, may moreover (it is shameful to tell though he thought it no shame to do it) not even an ox nor a cow nor a swine was there left that was not set down in his writ. And all the recorded particulars were afterwards brought to him (19)**.

Лесные ресурсы в Англии имели значительно большее значение для военной мощи государства, чем в России, в соответствии с более существенной ролью

* Замена натуральной церковной десятины с земельных владений фиксированным денежным налогом.

** Замечательно негодование хрониста, который считает перепись столь постыдным делом, что даже от завоевателя трудно было ждать такой низости. «После этого Король собрал большое собрание и тщательно обсудил со своим Советом, как заселена эта земля и какими людьми. Затем послал он своих людей по всей Англии в каждое графство, поручив им выяснить, сколько наделов земли имеется в каждом графстве. Сколько земли имеет сам Король и сколько скота на этой земле, и какие налоги он должен был получать из года в год с графства. Также поручил он им зафиксировать письменно: сколько земли имели его архиепископы, и его епископы, и его аббаты, и его графы — хотя я могу показаться многословным и пристрастным — сколько имел каждый, кто занимал землю в Англии, в земле или скоте, и сколько это стоило денег. Так очень подробно поручил он им выяснить, чтобы ни одного надела или ярда земли, более того (стыдно говорить об этом, хотя он не видел стыда, чтобы сделать это), ни быка, ни коровы, ни свиньи не осталось не внесенных в его записи. И все записанное в подробностях было впоследствии принесено ему».

военно-морского флота. Однако в управлении лесами и снабжении флота государство придерживается совершенно иной политики. Существовало три основных источника снабжения лесом: закупки древесины на континенте, у частных владельцев в Англии и заготовка в государственных лесах [20]. Особое внимание к изучению и сохранению лесов проявлялось в периоды обострения международных отношений в Европе, когда импорт континентальных лесов оказывался под угрозой.

Так, в период наполеоновских войн страна оказалась отрезана от традиционных лесных рынков, что поставило под угрозу строительство новых военных кораблей. Парламент, флот и уполномоченные Лесного департамента Министерства сельского хозяйства предприняли немедленные меры по созданию лесных плантаций и охране существующих лесных массивов для замены импорта [21]. Один из парламентских актов [22], касающийся лесного массива *New Forest*, так мотивировал необходимость сохранения лесов: «...лесные массивы, не только в *New Forest*, но и во всем королевстве в целом, за последние годы значительно уменьшились и ухудшились, и названный лес, который мог бы быть весьма полезен и удобен для снабжения военного флота Его Величества, находится под угрозой уничтожения, если не будет взят энергичный курс на восстановление и сохранение растущего здесь строевого леса». Акт 1812 г., касающийся лесного массива *Alice Holt Forest* [23], указывал на трудности закупки леса за границей и у частных владельцев в Англии и предлагал создать достаточный запас леса для снабжения королевства. Ряд парламентских актов [24] признавали важность разведения лесных плантаций, и, действительно, некоторое количество лесов было выращено. Так, в лесном массиве *New Forest* существовали плантации 1700, 1756, 1775, 1808–1817, 1830, 1847–1862, 1852–1862 гг. Но в целом эти усилия не привели к координированной и стабильной политике разведения, охраны и картографирования лесов, так как традиция управления лесами и земельными угодьями базировалась на частной инициативе и торговле, а не государственной. Россия и Англия развивали разные, но одинаково эффективные пути удовлетворения запросов военного флота.

* * *

Подводя итоги сказанному, можно заключить, что лесной кадастр XVIII в. и его развитие — это пример эволюции организации и методов средневекового налогового кадастра. Он демонстрирует влияние практических потребностей военного и государственного строительства, развития промышленности на петровские реформы в целом и на географическую практику в частности. Петровский лесной кадастр становится самостоятельным государственным учреждением, приобретает прочную организационную базу, регулярный характер и научную основу.

Общий стиль управления лесами при Петре, национализация лесов демонстрируют возрастание роли государства, формирование авторитарной бюрократической империи. Это особенно очевидно при сравнении с английской традицией управления лесами. Природные ресурсы рассматриваются центральной властью как источник силы и могущества, ресурс для проведения в жизнь политических и экономических планов правительства. Право собственности и другие традиционные права подданных существенно ограничиваются и допускаются в той мере, в которой это не противоречит интересам государства.

Эволюция научных основ петровского кадастра отражает общий ход интродукции западной науки в России в XVIII в. и показывает, что этот процесс был обусловлен необходимостью практических реформ и повышения эффективности управления и государственной экономики. Петровский лесной кадастр в XVIII в. являлся одним из основных государственных институтов, воплотивших программу

реформ государственного управления. В ходе создания лесного кадастра проводились обучение первых отечественных специалистов-картографов и геодезистов, разработка наиболее ранних программ картографирования и географического изучения природных ресурсов. Это был один из важнейших видов географической практики, сформировавший сообщество академических географов и картографов, существенно повлиявший на складывавшийся стиль картографического и географического изучения России.

Литература

1. Кузнецова Н. И. Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII — середина XX вв.) М., 1998.
2. Hughes L. Russia in the age of Peter the Great. New Haven — London, 1998.
3. Алексеев Л. В. Оковской лес «Повести временных лет» // Культура средневековой Руси. Л. 1974.
4. Shaw D. J. B. Geographical practice and its significance in Peter the Great's Russia // Journal of Historical Geography. 1996. Vol. 22. № 2.
5. Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб., 1896.
6. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 175. Оп. 1. Д. 13 (О посылке подъячих в Воронежский уезд для осмотра и описи ясеневых лесов).
7. РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 7 (Книги лесов, описанных капитаном Иваном Верховским по Северному Донцу, 1698–1701).
8. РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 234 (Опись сосновым и березовым лесам, осмотренным в 1723 г. на острове Даго с означением размеров деревьев и сортов леса).
9. РГА ВМФ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 280 (Об отправке в Боровскую воеводскую канцелярию копий с описных вальдмейстерских книг 1722 и 1723 годов об охране заповедных лесов для руководства в вопросе сохранения лесов).
10. Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. № 3686.
11. Александровская О. А. Становление географической науки в России в XVIII веке. М., 1989.
12. Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.-Л., 1946.
13. РГА ВМФ. Ф. 212 (Указы III отд.). Д. 5 (О позволении рубить лес для починки и постройки «Московской перспективной дороги» — во всех дачах, чьи бы они ни были).
14. РГА ВМФ. Ф. 212 (Указы III отд.). Д. 74 (По испрошению у Духовного Синода Послушного указа в Новгород, в Архиерейский приказ — о подчинении крестьян в вотчинах архиерейских, монастырских и церковных капитану Дубровину, командированному для осмотра и описи корабельных лесов).
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381. Оп. 47. Д. 526.
16. Cain R. J. P., Baigent E. The Cadastral Map in the Service of the State. Chicago & London, 1993.
17. РГА ВМФ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 68.
18. РГИА. Ф. 387. Оп. 47. Д. 454.
19. Public Record Office, MAF 38/216.
20. R. G. Albion, Forests and sea power. The timber problem of the Royal Navy. Cambridge, 1926.
21. Public Record Office, class CRES 60/2.
22. Acts of Parliament, 9&10, Will. 3, p. 36, 48.
23. Act 52, Geo. 3, p. 72.
24. Public Record Office, class F3/1167.

С. И. РОМАНОВСКИЙ

«ОБРУСЕНИЕ» РОССИЙСКОЙ НАУКИ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Дважды Россия как бы разбавляла свое население инородцами, т. е. людьми, родившимися за ее пределами. Первое массовое впрыскивание носителей иной культуры происходило на протяжении двух с половиной столетий татарского ига. Второе разделилось на две порции: первая — в продолжение всего XVIII столетия, вторая — в начале XIX в. Сначала Россия «отатарилась», затем «онемечилась» и, наконец, «офранцузилась». В XVIII в. началось онемечивание и правящей династии. Все эти процессы достаточно сильно влияли на трансформацию культурного слоя нации: на древнерусское мирозерцание накладывались европейские традиции, и Россия постепенно привыкала жить не по заветам предков, а по заимствованным рецептам.

Со времени петровских реформ русский интеллектуальный слой неуклонно стал сдвигаться в направлении немецкой культуры. Это было сознательной политикой: уж коли решили перенять инженерные, архитектурные, строительные навыки европейских стран, то надежнее это сделать, если пригласить западных специалистов в Россию; уж коли решил Петр создать в Петербурге Академию наук, когда в стране не было не только высшего, но даже начального образования, то единственный способ это сделать — завезти в страну ученых из Германии, Швейцарии, Франции. Что и было исполнено. Понятно, что среди множества объявившихся в России иноземцев были люди разные: таланты прославлялись бездарностями, люди, преданные своему делу, — проходимцами. Последние, правда, быстро схлынули и реального влияния на «культурное перерождение нашего общества» (В. И. Вернадский) не оказали. Куда важнее те, кто осел в России навсегда и мог реально влиять на российскую жизнь.

Среди них мы выделим только людей науки. Они не эмигрировали в Россию, не просили у российского правительства политического убежища: их в Россию пригласили, создав выгодные условия для работы. А затем, по прошествии всего двух десятков лет, их стали активно вытеснять и из Академии наук, и из страны.

Процесс «обрусения» науки почти на два столетия стал подлинно национальной проблемой. Уже Устав 1747 г. предписывал «набирать» в Академию преимущественно российских подданных. Но еще долгие десятилетия, вплоть до последних лет царствования Николая I, реальные потребности государства в высококвалифицированных научных кадрах значительно